

Кадетскіе корпуса, ихъ невзгоды и нужды.

(Продолженіе ¹⁾).

V.

Недостатокъ свободнаго времени. При обширности учебныхъ обязанностей, которыя кадетамъ ежедневно приходится исполнять, воспитанники среднихъ и старшихъ классовъ лишены достаточнаго времени для аккуратнаго и толковаго ихъ выполненія; на приготовленіе уроковъ имъ отведено отъ 2½ до 3 часовъ, причемъ предстоитъ т. е. исполнить заданія по четыремъ предметамъ. Естественно, что большинство готовитъ уроки съ разборомъ, начиная съ тѣхъ,

по которымъ давно не приходилось отвѣчать въ классѣ. Даже хорошіе ученики нерѣдко на урокъ исторіи тайкомъ пробѣгаютъ заданное къ предстоящему уроку космографіи или физики; когда же предвидится опасность письменной работы по какому-нибудь предмету, ему отдаются всѣ заботы и время, а о подготовленіи остальнаго думать не приходится. Такъ создается беспорядочность и безсвязность ученія; усвоеніе пройденнаго въ классѣ выполняется небрежно, безтолково: чтеніе учебника съ карандашомъ въ рукахъ и тетрадкой можно еще встрѣтить, когда дѣло касается математическихъ предметовъ, а другія руководства прочитываются безъ конспектированія и схематизаціи, безъ отдѣленія главнаго отъ второстепеннаго, безъ обдумыванія; всѣ старанія сводятся къ тому, чтобы схватить рассказъ и удержать его въ памяти до слѣдующаго.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 6.

дня для удовлетворительнаго отвѣта, избавляющаго отъ единицы, сокращающей воскресный отпускъ. Припомнимъ, что вечернія занятія кадету приходится использовать и на другія надобности; собрать матеріалъ для внѣкласснаго сочиненія и написать его, прочитать рекомендованное преподавателемъ словесности, прочитать сочиненія «географическаго содержанія», книги «натуралистовъ», книги «историческаго содержанія» и «тѣ или иныя учебныя, или классическія сочиненія по отдѣламъ элементарной математики», которыя съ заботливою предупредительностью будутъ рекомендовать кадетамъ гг. преподаватели, для коихъ возбужденіе въ воспитанникахъ интереса къ такому чтенію «должно составлять предметъ горячихъ желаній». Легко ли все это выполнить, когда сверхъ срока вечернихъ занятій у кадета остается $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ часа свободнаго времени, которымъ приходится довольствоваться для отдыха, для бесѣдъ съ товарищами, для переписки съ родными, для пополненія пропущеннаго въ случаѣ болѣзни, а инымъ надо удѣлить часть досуга на занятія фехтованіемъ, пѣніе въ церковномъ хорѣ, игру въ оркестрахъ и хожденіе въ лазаретъ на перевязку? Есть, правда, еще четыре часа еженедѣльнаго воскреснаго досуга; но неужели не естественно юношамъ стремиться истратить его на то, чтобы, вырвавшись изъ четырехъ корпусныхъ стѣнъ, почувствовать себя свободными отъ непрерывнаго контроля и руководства, взглянуть на людскую жизнь, нераспредѣленную по часамъ корпуснаго расписанія? Кадеты вѣдь тоже люди, даже только еще дѣти. Вотъ каково корпусное ученіе и въ какой обстановкѣ торопливо и безвкусно жуютъ его кадеты.

Недостатокъ времени для бесѣдъ воспитателя. Во всякой школѣ основой воспитанія должно быть ученіе, а по отношенію къ закрытой школѣ съ большимъ интернатомъ, какъ кадетскій корпусъ, это правило является еще болѣе твердымъ; гдѣ хромаетъ ученіе, тамъ и воспитаніе не можетъ не хромать. Указавъ на это, мы ранѣе всего скажемъ о необходимости большой осмотрительности въ пользованіи, при оцѣнкѣ недочетовъ воспитательной работы корпусовъ, однимъ соображеніемъ, которымъ у насъ часто злоупотребляютъ. Корпуса, говорятъ, закрытыя школы; они легко могутъ направить и удержать воспитаніе на опредѣленной дорогѣ, и ихъ вина, если имъ это не удается. Да, согласимся мы, корпуса школы закрытыя, но не наглухо. Въ праздники и ихъ кануны около трети кадетъ уходитъ въ отпускъ, на Пасху и Рождество число отпускныхъ уже превышаетъ двѣ трети, а въ періодъ лѣт-

нихъ каникулъ въ стѣнахъ заведенія остается жалкая горсточка безпріютныхъ воспитанниковъ. Это ли обстановка закрытой школы? Во время праздничныхъ и каникулярныхъ отлучекъ, противъ которыхъ, кстати сказать, не можетъ подняться рука ни у одного здраваго педагога, кадеты съ головою окунаются въ дѣйствительность современной жизни общества и подвергаются самымъ разнообразнымъ воздѣйствіямъ, часто мимолетнымъ и поверхностнымъ, но иной разъ злымъ, искуснымъ и плѣнительнымъ для впечатлительной и довѣрчивой юношеской души. Оттого-то корпусные воспитатели привыкли безъ возмущенія, а съ одною лишь скорбью, встрѣчать тѣ случаи, когда иной изъ ихъ воспитанниковъ, привѣтливый, довѣрчивый, внимательный и отзывчивый къ слову наставника мальчикъ, побывавши на каникулахъ, возвращается вдругъ преображеннымъ: замкнутый, упрямый, скрытный, рѣзкій, съ ироническимъ оттѣнкомъ въ отвѣтахъ, стыдящійся мысли показаться послушнымъ. Такія перемѣны многіе приписываютъ переходному возрасту, чаще же суть дѣла не въ немъ, а въ тѣхъ встрѣчахъ и знакомствахъ, которыя выпали на долю кадета на каникулахъ.

Главная забота воспитателя состоитъ не въ томъ, чтобы стереть съ мальчика налетъ такихъ дурныхъ вліяній, хотя надъ этимъ онъ, конечно, работаетъ, но чтобы ослабить въ своихъ питомцахъ воспріимчивость къ ихъ опасному воздѣйствію. Въ этихъ видахъ самымъ цѣлесообразнымъ было бы въ спокойныхъ и искреннихъ бесѣдахъ знакомить кадетъ съ сущностью и небезвредными слѣдствіями многихъ случайныхъ воспріятій. Но горе воспитателя въ томъ, что времени, возможности и прямыхъ темъ для необходимыхъ бесѣдъ у него очень мало, а иногда и вовсе нѣтъ. Въ первыхъ классахъ, къ которыхъ дневное расписаніе, вообще, милостивѣе, офицеръ воспитатель чаще можетъ найти возможность поговорить со своимъ отдѣленіемъ или съ отдѣльнымъ мальчикомъ тѣмъ болѣе, что самыя формы обращенія съ дѣтьми—указанія, запрещенія, похвалы, порицанія и т. п. просты и кратки, хотя съ другой стороны успѣхъ дѣла требуетъ здѣсь частыхъ напоминаній и повтореній, на что нужно время; что же касается среднихъ и особенно старшихъ классовъ, тамъ воспитатель нерѣдко становится въ очень затруднительное положеніе. Не всякую бесѣду можно закончить въ двѣ-три минуты; откуда же взять для нея время? Существуетъ только два пути—сократить срокъ вечернихъ занятій или посягнуть на ежедневный кадетскій досугъ. Къ такому

неуклюжему рѣшенію дилеммы въ исключительныхъ случаяхъ и принуждены прибѣгать корпусные педагоги; вообще же они пользуются пропускаемыми преподавателями уроками, временемъ прогулокъ и проч.

Не больше простора у воспитателей и въ выборѣ темъ для бесѣдъ со старшими кадетами. Вопросъ этотъ представляется въ самомъ дѣлѣ щекотливымъ. Для внѣкласснаго чтенія даже старшихъ воспитанниковъ и даже новыми программами отмѣчено крайнимъ предѣломъ «Анна Каренина» Л. Толстого, относящаяся къ 70-мъ годамъ минувшаго вѣка: далѣе этой эпохи юношеской мысли не предоставлено заглядывать въ русскую жизнь; а, чтобы обезпечить прочность такого запрета, изъ кадетскаго обихода изъяты всѣ русскія газеты, за исключеніемъ «Правительственнаго Вѣстника» и «Русскаго Инвалида», въ которыхъ молодежь врядъ ли можетъ найти много матеріала для интересующаго ее чтенія. Воспитатель понимаетъ, что въ отпуску его питомцы читаютъ не только газеты, но и произведенія современной литературы; вернувшись же въ корпусъ, дѣлаютъ видъ, что въ этомъ не грѣшны, и хранятъ спасительное молчаніе, раздѣляемое съ ними и ихъ воспитателями. Какъ при такихъ условіяхъ педагогу завести съ воспитанниками рѣчь о томъ, что его слушателей не можетъ и не должно касаться? Вспомнимъ, однако, что, черезъ 3—4 мѣсяца по выходѣ изъ корпуса, выпускной кадетъ получить полную возможность познакомиться съ г. Санинымъ, г. Арцыбашевымъ и непосредственно ощутить жирную грязь, толстымъ слоемъ намазанную въ современныхъ литературныхъ произведеніяхъ. Неужели можно допустить, что, надѣвши на плечи юнкерскій мундиръ, юноши уже не найдутъ для себя угрозы въ напорѣ всѣхъ этихъ «духовныхъ» силъ? Мы не могли бы поздравить школу, которая, хотя бы и невольно, уложила такое колючее соображеніе въ сокровищницу своей мудрости.

Насъ нисколько не удивляетъ, что офицеръ-воспитатель превращаетъ свою работу въ поученія и преподаетъ юношеству готовые правила, взгляды и убѣжденія; приходится ограничиться попыткой приготовить добросовѣстныхъ хранителей чужихъ мыслей и чувствъ, если нѣтъ возможности наладить дѣло разумнаго масоваго воспитанія молодежи и возбудить въ ней работу духовной самодѣятельности. О томъ, какую это приноситъ пользу, пусть скажутъ слова Кауэра: «всякая попытка навязать определенное мнѣніе въ видѣ догмата вызываетъ у хитрыхъ карьеристовъ лицемѣріе,

у людей съ сердцемъ—противодѣйствіе и только у слабыхъ и безхарактерныхъ имѣеть переходящій и малоцѣнный успѣхъ».

А между тѣмъ жизнь неуклонно творить свою работу и, минуя принимаемая противъ нея мѣры, знакомитъ кадетъ со всѣми иногда страшными сторонами своей дѣйствительности. У юношей возникаютъ тревожныя мысли, сомнѣнія, но воспитатели безсильны помочь имъ разобраться во всемъ этомъ. Мы припоминаемъ 1905—6 гг., когда людямъ, имѣвшимъ дѣло съ запросами дѣйствительной жизни, некогда было развлекаться грезами, въ которыхъ старшіе кадеты являлись неземными созданіями, съ ушками, завѣшенными непропничаемой пеленой, и со спокойными сердечками безстрастныхъ херувимовъ; тогда брошены были мечтательность и лицемѣріе китайскихъ церемоній, и, подъ шумъ уличной толкотни, блужданія и общей растерянности, въ корпусахъ велись искреннія и уравновѣшивающія бесѣды, проникавшія въ душу молодежи и наполнявшія ее мужествомъ и спокойствіемъ. Но русскій человекъ не жалуется исторіи и ея уроковъ, это не обязательный для него предметъ; прошедшее проходи гъ.

VI.

Двойственность руководства воспитаніемъ. Забота о воспитаніи кадетъ лежитъ на ихъ отдѣленныхъ воспитателяхъ. Въ каждой ротѣ сверхъ того есть ротный командиръ: это ближайшій помощникъ директора корпуса по части воспитательной; его главная роль заключается въ общемъ руководствѣ служебной дѣятельностью состоящихъ въ ротѣ офицеровъ-воспитателей и въ направленіи всѣхъ ихъ дѣйствій къ успѣшному выполненію требованій инструкціи по воспитательной части. Ротные командиры несутъ еще и нѣкоторыя обязанности, не явно педагогическаго разбора. Создались эти должности не потому, чтобы въ нихъ обнаружилась очевидная необходимость, а по соображеніямъ сходственности и послѣ «бывшихъ примѣровъ», привлекающихъ особыя симпатіи канцелярій. Военныя гимназіи преобразовали въ кадетскіе корпуса, учредили роты, не строевыя, а подобно тому, какъ въ строю, тѣмъ болѣе, что и въ корпусахъ прежняго времени было то же самое. Прошло время, воспитаніе въ новорожденныхъ корпусахъ шло не хуже, чѣмъ въ военныхъ гимназіяхъ, подчасъ и лучше, и институтъ ротныхъ командировъ приобрѣлъ «провѣренную положительнымъ результатомъ жизненнаго опыта» raison d'être.

Надо правду сказать, теперь въ средней военной школѣ воспи-

танію юношества воспитатели отдають больше вниманія и заботъ, чѣмъ въ періодъ до послѣдней реформы, но причина этого лежитъ не въ учрежденіи должности ротнаго командира, а въ перемѣнѣ общихъ взглядовъ на обязанности воспитателя и въ подъемѣ участливости къ молодому поколѣнію. Преніе гимназическіе воспитатели и, надо сознаться, преимущественно военные, держали себя съ гимназистами съ преувеличеннымъ, такъ сказать, достоинствомъ; неохотно входили въ ихъ дѣтскіе интересы, особенно въ младшихъ классахъ; правда, мало наказывали, но пренебрежительность въ обращеніи считали допустимой; не всякій воспитанникъ рѣшался по своему дѣлу потревожить особу наставника, такъ какъ могъ опасаться быть встрѣченнымъ своеобразнымъ привѣтомъ; впрочемъ, къ нѣкоторымъ воспитанникамъ иные гг. воспитатели, по собственнымъ своимъ соображеніямъ, относились даже предупредительно. Припоминается намъ такой образецъ близости военныхъ воспитателей того времени къ гимназистамъ. Отдѣленіе шестого класса выдѣлило двѣ враждующія группы, постоянно приходившія въ столкновеніе словомъ и дѣломъ; нападающую сторону составляли, разумѣется, преимущественно второгодники. О настроеніи въ отдѣленіи воспитатель, надо думать, зналъ; мы, по крайней мѣрѣ, готовы это предположить, чтобы не порочить его памяти косвеннымъ упрекомъ въ полномъ презрѣніи къ своимъ обязанностямъ и къ воспитанникамъ. Однажды, на пустомъ урокѣ нѣмецкаго языка, между обѣими группами произошло жестокое побоище, многіе украсились явными слѣдами столкновенія, а дежурный воспитатель, онъ же и воспитатель этого отдѣленія, лежа на кровати, читаль въ своей комнаткѣ и даже по окончаніи дѣла не обратилъ вниманія на красовавшіеся на лицахъ синяки. Добавимъ, что описанный случай былъ отдѣльнымъ эпизодомъ въ цѣломъ рядѣ отвратительныхъ стычекъ, имѣвшихъ участниковъ и изъ другихъ отдѣленій; но наставники деликатно держались въ сторонѣ; впрочемъ, одинъ изъ «популярныхъ» воспитателей обратилъ вниманіе на затертый бодягой съ масломъ—неофициальное медицинское пособіе—багровый кровоподтекъ надъ однимъ изъ смотрѣвшихъ на него глазъ и съ двусмысленной улыбкой сдѣлалъ жестъ головой, какъ бы говоря: поздравляю—но и только. Въ наши дни случая, подобнаго описанному, не можетъ быть: инспекторъ классовъ немедленно пригласитъ отдѣленнаго офицера-воспитателя занять пустой урокъ въ своемъ отдѣленіи и распорядится, чтобы кадеты не остались безъ надзора. Теперь воспитатели, несомнѣнно, ближе стоятъ къ

своимъ воспитанникамъ, но, конечно, не ротные командиры установили эту близость; чужими руками ея не создать.

Безплодно переставлять ноги дѣятелю, когда онъ идетъ своей трудовой дорогой; такая посторонняя помощь можетъ только помѣшать устойчивости шаговъ работника; но педагогическая миссія ротнаго командира носить именно такой характеръ. Если офицеръ-воспитатель человѣкъ умѣлый, неглупый и тактичный, для него достаточно указаній директора корпуса, а предупредительное вмѣшательство ротнаго командира ему обуза; если воспитатель работникъ, хотя и мало опытный, но интересующійся дѣломъ, разумный и энергичный, то вялый и утомленный ротный командиръ едва-ли подчинитъ его своему объединяющему руководству, а въ томъ случаѣ, когда послѣдній похожъ на своего живого и дѣятельнаго подчиненнаго, пользующагося, по существующимъ правиламъ, значительной автономностью, коса найдетъ на камень, и два kota въ одномъ мѣшкѣ не найдутъ себѣ мѣста. Искренно сочувствовать личности ротнаго командира долженъ лѣнливый и лукавый воспитатель: онъ искусно можетъ переложить на плечи ротнаго командира всю тяжесть своей работы и отвѣтственности и почивать на лаврахъ.

Не слѣдуетъ закрывать глазъ и на возможность пассивнаго со-противленія указаніямъ ротнаго командира со стороны офицера-воспитателя. Каждый изъ нихъ въ теченіе семи лѣтъ слѣдованія за своимъ отдѣленіемъ перемѣнитъ четырехъ командировъ, оставаясь во власти одного и того же руководителя одинъ-два года; въ случаѣ скрытаго антагонизма воспитатель всегда будетъ учитывать перспективу близкой разлуки со своимъ временнымъ начальникомъ; въ томъ же направленіи онъ будетъ эксплуатировать и весьма цѣлесообразное указаніе инструкціи по воспитательной части, отдающей въ руки ротнаго командира только общія указанія, которыя онъ долженъ преподавать воспитателямъ «безъ стѣсненія сихъ послѣднихъ въ подробностяхъ воспитательной работы».

Главное соображеніе, на которое указываютъ въ защиту должности ротнаго командира, состоитъ въ томъ, что ротный командиръ является организаторомъ и хранителемъ особаго воспитательнаго режима, отвѣчающаго отдѣльнымъ ротамъ въ зависимости отъ возраста составляющихъ ее кадетъ. Прежде всего, установленіе надлежащаго режима должно быть подсказано знаніями и природнымъ педагогическимъ тактомъ лицъ воспитательнаго состава, а не указаніемъ командира. Сверхъ того не всѣ воспитатели такіе новички

въ своемъ дѣлѣ, чтобы не знать различія въ приемахъ воспитанія дѣтей и юношей различныхъ возрастовъ; вѣдь объ этомъ они, на худой конецъ, могли прочесть въ своей инструкціи. Наконецъ, малоопытный воспитатель, по совершенно понятнымъ причинамъ, въ случаяхъ недоумѣнія, обратится за совѣтомъ скорѣе всего къ старшимъ товарищамъ, что, между прочимъ, рекомендуется и инструкціей, а не къ командиру роты. Какая же, въ такомъ случаѣ, необходимость въ хранителѣ и организаторѣ того, что никѣмъ не растрачивается и въ жизнь проводится не его руками?

Для установленія надлежащаго режима, для объединенія работы воспитателей и дачи имъ указаній ротный командиръ собираетъ офицеровъ на совѣщанія и бесѣды (§ 95 инструк. по воспит. части). Вспомнимъ, что и директоръ корпуса есть руководитель воспитанія кадетъ и въ этомъ его центральная задача. Если директоръ представляетъ изъ себя на самомъ дѣлѣ педагога (словечку *если* всегда остается мѣсто), онъ, слѣдя за работой воспитателей, постоянно будетъ бесѣдовать съ ними, давать нуждающимся свои цѣнныя указанія, ободрять, корректировать, остерегать отъ увлеченій, а когда потребуется и поддерживать ихъ авторитетъ въ глазахъ воспитанниковъ. Для этого, между прочимъ, служатъ дисциплинарные комитеты, утренніе доклады и педагогическіе комитеты. Трудно предположить, чтобы при всѣхъ бесѣдахъ директора съ воспитателями непременно оказался на лицо и соответствующій ротный командиръ, а если послѣдній не будетъ ознакомленъ съ содержаніемъ бывшей бесѣды, иной разъ можетъ возникнуть недоразумѣніе, болѣе чѣмъ комическаго свойства. Обязать же директора повторять ротнымъ командирамъ свои разговоры съ воспитателями невозможно, какъ неумѣстно обязывать его сноситься съ воспитателями только черезъ посредство ротныхъ командировъ; подобное правило, необходимое на строевой службѣ, гдѣ имѣютъ дѣло съ опредѣленнымъ смысломъ краткихъ приказаній, совершенно непригодно въ школѣ: передача черезъ третьи руки можетъ не только исказить яркость и силу указаній, но и окончательно умертвить педагогическую помощь директора. По нашему убѣжденію, должность ротнаго командира — совершенно излишнее средостѣніе между директоромъ-руководителемъ и офицеромъ-воспитателемъ и потому не оправдывается жизнью; что же касается ея необходимости въ зависимости отъ другихъ лежащихъ на ротномъ командирѣ обязанностей, то объ этомъ мы выскажемся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

VII.

Отчужденность корпусовъ отъ арміи. Если общее воспитаніе кадетъ поставлено въ такія условія, что не можетъ быть очень успѣшнымъ, то еще въ большей мѣрѣ замѣчаніе это относится къ специально военному воспитанію. Существеннѣйшимъ его недостаткомъ является характеръ внѣшности. Кадеты носятъ военное обмундированіе, распределены по ротамъ, встаютъ съ постели по барабану, къ обѣду, къ чаю, въ рисовальный классъ и проч. ходятъ строемъ, праздники соблюдаютъ по военному календарю, при обращеніи къ старшимъ прикладываютъ руку къ козырьку и титулуютъ соотвѣтственно чинамъ, отдаютъ при встрѣчахъ установленную честь,—все это признаки военные, но очень поверхностнаго значенія. Болѣе глубокое военно-воспитательное дѣйствіе оказываютъ корпусное знамя, начальное обученіе строю, жиденькія свѣдѣнія изъ военной «словесности», требованіе въ старшихъ классахъ непрекословнаго повиновенія слову начальника, существованіе въ 1-й ротѣ фельдфебеля, вице-унтеръ-офицеровъ, наряды дежурнаго и дневальныхъ, портреты георгіевскихъ кавалеровъ и траурныя доски съ именами убитыхъ въ сраженіяхъ бывшихъ питомцевъ корпуса, сообщенія и панихиды въ Дмитровскую субботу.

Таковы мѣры и средства военнаго освѣдомленія и воспитанія кадетъ. Государственное значеніе арміи, боевая роль родовъ войскъ, славнѣйшія страницы военной исторіи, словарь геройскихъ именъ русской арміи, обиходъ войскъ въ мирное время—все это не входитъ въ счетъ свѣдѣній, обязательно сообщаемыхъ кадетамъ, и тѣ мелкіе шаги, рѣзкіе и случайные, которые нѣкоторымъ офицерамъ-воспитателямъ удастся сдѣлать для пополненія этого пробѣла, капли въ морѣ дѣйствительной нужды.

Досаднымъ добавленіемъ къ условіямъ, предрѣшающимъ поверхностность корпуснаго военнаго воспитанія, является непонятная и обидная отчужденность кадетскихъ корпусовъ отъ арміи. Корпусъ не принадлежитъ, конечно, къ числу строевыхъ воинскихъ частей, но, что удивительно, онъ не является младшимъ членомъ великой военной семьи и къ нему войсковыя части и ихъ начальство не проявляютъ той ласковой учтивости и родственной близости, какія естественны со стороны старшихъ членовъ семьи по отношенію къ младшимъ; въ лучшемъ случаѣ корпуса видятъ без-

участную снисходительность, а то пренебрежительность, готовую оттолкнуть их робкую попытку общенія. Намъ невольно припоминается характерная непривѣтливость, съ которой встрѣтили мысль объ участіи въ парадахъ, по случаю празднованія 200-лѣтія Полтавской побѣды, кадетъ Петровскаго-Полтавскаго кадетскаго корпуса тѣ начальствующія лица, которыя касались этого вопроса. Только благодаря сочувственному отношенію командующаго войсками кіевскаго военного округа, старшая рота Полтавскихъ кадетъ получила право участія въ парадахъ; но при этомъ ей отказано было имѣть свой хоръ музыки, какъ не полагающійся по штату, и кадеты проходили церемониальнымъ маршемъ подъ звуки оркестра д.-гв. Преображенскаго полка, державшаго свой обычный темпъ, вмѣсто привычнаго для кадетъ. Къ чести юношей надо сказать, что молодежь не ударила лицомъ въ грязь и радостно отвѣтила на драгоцѣнную похвалу Государя Императора.

Военная приспособленность кадетъ, дѣйствительно, не достигаетъ большихъ размѣровъ, но это не вина корпусовъ, а естественное слѣдствіе границъ и условій, въ которыхъ корпусамъ приходится преслѣдовать эту задачу. Въ послѣднее время военно-учебнымъ вѣдомствомъ намѣчены нѣкоторыя мѣры, долженствующія, будто бы, пополнить недочетъ въ рассматриваемой области. Такъ изданы и развѣшены по стѣнамъ корпусныхъ помѣщеній отрывки патриотическихъ стихотвореній, образцовъ народной мудрости и довольно туманныя формулы, касающіяся военного товарищества. Нѣкоторыя лаконическія изреченія пытаются напомнить собою о Суворовѣ или Козьмѣ Прутковѣ, но не достигаютъ до, присущихъ этимъ талантамъ, образности и силы сжатого духовнаго содержанія. Стѣнная педагогія давно нашла свою оцѣнку и уповать на пользу ея напрасно; ея судьба въ русской жизни извѣстна; на почтовыхъ станціяхъ и мѣстахъ, посѣщаемыхъ простымъ людомъ, давно висятъ въ рамкахъ изреченія, порочащія русскую склонность къ свернословію и браннымъ словамъ, однако, сравненіе—»бранится, какъ ломовой извозчикъ»—неизмѣнно остается жизненнымъ. Далѣе введена стрѣльба изъ особаго, выписаннаго чуть-ли не изъ Англии, ружьяца; стрѣляютъ начинаютъ съ 4-го класса. Противъ такого занятія нельзя возражать, это полезный видъ спорта, но военно-воспитательное его значеніе ничтожно. Ранѣе въ VI и VII классахъ вели стрѣльбу дробинкою изъ винтовки, а въ нѣкоторыхъ корпусахъ стрѣляли и 3 лин. боевыми патронами съ разсыпающейся

пулей; нечего и говорить о томъ, какая стрѣльба имѣетъ большее значеніе. Наконецъ, введены развѣдочныя прогулки. Задачи, которыя рѣшаются на этихъ прогулкахъ безъ основательной теоретической подготовки, если и принесутъ пользу, то только общему воспитанію, военное же ихъ значеніе совершенно микроскопическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ, несомнѣнно, становятся поперекъ горла учебному дѣлу.

Сложность обязанностей директора. Руководителемъ и вдохновителемъ всѣхъ сторонъ жизни кадетскаго корпуса является его директоръ. Направленіе и объединеніе служебнаго труда педагогическаго и административно-хозяйственнаго персонала, учебное дѣло, физическое, нравственное и военное воспитаніе, заботы о здоровьѣ, довольствіи, обмундированіи и снабженіи кадетъ, попеченіе о зданіяхъ, обширная служебная переписка, личныя сношенія съ родителями кадетъ—все это входитъ въ кругъ прямыхъ обязанностей директора, суть работы котораго должна бы сосредоточиваться въ педагогической области. Если директоръ добросовѣстно вникаетъ въ жизнь заведенія и не упускаетъ всѣхъ ея сторонъ, у него дня не хватитъ на всю массу мелочей, имѣющихъ безспорное значеніе въ общемъ ходѣ дѣла и требующихъ его суда; выдающіеся случаи и проступки кадетъ, тренія и столкновенія подчиненныхъ, крупные вопросы въ разныхъ областяхъ и необходимость слѣдить за литературой падаютъ уже на долю его отдыха, часть котораго начальникъ заведенія, расположеннаго не въ одной изъ столицъ, принужденъ еще посвящать участію въ жизни городского общества. Всюду успѣть и не упустить принять каждую необходимую мѣру въ сферѣ директорскихъ заботъ рѣшительно не подъ силу одному человѣку, даже хорошо знакомому съ жизнью корпусовъ, не говоря уже о педагогахъ-новичкахъ, приходящихъ изъ строя или образцово свѣдущихъ лишь въ сферахъ административной и юридической. Перегруженность директорскихъ плечъ всегда невыгодно отражается на общей жизни заведенія.

Выгоды службы воспитателя. Многимъ членамъ военной среды, свысока смотрящимъ на воспитательскую должность и не дающимъ себѣ труда вникнуть въ тягости и ничтожныя служебныя ея выгоды, почему-то представляется, что офицеръ-воспитатель долженъ находить свое положеніе не только благопріятнымъ, но даже заманчивымъ. Это большое заблужденіе. Тяжела должность воспитателя; его 12-часовой служебный трудъ, не знающій праздниковъ, разнообразящійся суточными дежурствами, черезъ три дня въ чет-

вертѣй, очень утомляетъ, изнашиваетъ нервы и простираетъ свои слѣды и на время отдыха, такъ какъ приковываетъ къ себѣ мысль и взволнованное чувство труженика. Чтобы быть хорошимъ воспитателемъ, надо имѣть родиться; для этого необходима не одна добросовѣстность работы, нужны склонность и специальныя природныя свойства. Отъ многихъ любящихъ и заботливыхъ родителей нерѣдко приходится слышать: «я не въ силахъ учить своихъ дѣтей, непременно выйдетъ ссора»; если же учить не всякому удастся, то воспитывать и подавно. Правила указываютъ, чтобы на воспитательскія должности избирать выдающихся, образованныхъ и способныхъ для этого строевыхъ офицеровъ; но рядомъ съ этимъ намѣчаютъ очень скромныя размѣры попечительности о воспитательской долѣ. Такова ужъ у насъ манера: если надо завести тренера для скаковой конюшни, денегъ не пожалѣемъ, а расходъ на справедливое вознагражденіе педагога за тяжелый трудъ ученя и воспитанія дѣтей кажется намъ безразсудной расточительностью. Воспитатель оказывается забытымъ человѣкомъ. Забота о корпусномъ воспитателѣ вездѣ отстаетъ отъ заботы о строевомъ офицерѣ. Къ 1909 году послѣднему увеличенъ окладъ содержанія, а воспитатель еще и сейчасъ ожидаетъ своей очереди. Даже въ мелочахъ проглядываетъ эта досадная черта; на примѣръ, всѣ офицеры частей, участвовавшихъ въ торжествахъ 200-лѣтія Полтавской побѣды, получили денежное пособіе, а офицерамъ-воспитателямъ Петровскаго-Полтавскаго кадетскаго корпуса въ немъ было отказано даже на повторенную просьбу, такъ какъ они не строевые и въ гарнизонѣ не числятся. Когда заходитъ рѣчь о матеріальныхъ выгодахъ службы военныхъ педагоговъ, у насъ остерегаются, чтобы воспитатели не оказались въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ ихъ строевые сверстники; выходитъ, что быть выдающимся и напряженно работающимъ не значитъ заслужить право на поощреніе. Не разобрать, зависть ли это мелочная, или опасеніе быть справедливымъ, — Богъ вѣдаетъ. Или, быть можетъ, учитывается то соображеніе, что хорошій воспитатель всегда стяжаетъ горячее расположеніе и признательность юношескихъ сердецъ, что такая нравственная награда исключаетъ умѣстность добавокъ къ столовымъ деньгамъ, такъ какъ подъ обаяніемъ чистой дѣтской ласки своихъ питомцевъ педагогъ не испытаетъ горькаго чувства, глядя на поношенныя платица собственныхъ дѣтей.

VIII.

Комплектованіе воспитательскаго состава. Говоря о служебномъ положеніи офицеровъ-воспитателей, мы считаемъ умѣстнымъ

попутно коснуться новаго способа комплектованія состава упомянутыхъ служащихъ; способъ этотъ сулитъ немалую бѣду кадетскимъ корпусамъ. Нельзя сказать, чтобы существовавшій до сихъ поръ путь замѣщенія воспитательскихъ должностей могъ считаться идеальнымъ, но трудно было найти болѣе удовлетворительный. Дѣло это находилось въ вѣдѣннн директоровъ корпусовъ, которые искали въ офицерской средѣ, между желающими, подходящихъ людей и приглашали ихъ на служебное испытаніе. Теперь попеченіе о распознаваннн между строевыми офицерами лицъ, соотвѣтствующихъ должности воспитателя, будетъ возложено на строевыхъ начальниковъ, въ главномъ управленнн военно-учебныхъ заведеннн будутъ составляться намѣченнымъ такимъ путемъ лицамъ кандидатскіе списки, изъ которыхъ директора корпусовъ и обязаны черпать себѣ сотрудниковъ. Руководство разыскиваннмъ кандидатовъ въ воспитатели формально окажется, конечно, на попеченнн начальниковъ дивизій, но въ сущности попадетъ въ руки ротныхъ и эскадронныхъ командировъ, и эти ближайшіе начальники будутъ давать выдвигаемымъ ими кандидатамъ всестороннюю аттестацію, каковая будетъ затѣмъ подкрѣпляться послѣдовательными авторитетами. Если директоръ корпуса, до мелочей знакомый съ воспитательскимъ трудомъ и духовными особенностями человѣка, дѣлающими его пригоднымъ для роли воспитателя, не застрахованъ отъ ошибокъ при выборѣ кандидатовъ, то невольно возникаетъ мысль, откуда, ротный или полковой командиръ и даже начальникъ дивизіи окажутся болѣе искусными и удачливыми при рѣшеннн такой замысловатой задачи? Шаткость гадательной пользы этой реформы увеличится въ значительной мѣрѣ еще тою неосмотрительностью, съ которою не очень рѣдко у насъ аттестуются различные кандидаты; это фактъ, неоднократно и авторитетно засвидѣтельствованный. Хорошіе работники дороги во всякой дѣятельности, они вовсе не такъ ужъ многочисленны и потому ими каждый начальникъ дорожить; отказаться отъ одного изъ лучшихъ своихъ сотрудниковъ ему несравненно тягостнѣе, чѣмъ лишиться зауряднаго или слабаго подчиненнаго. Не является ли поэтому возможность опасаться, что въ спискѣ кандидатовъ на должность воспитателя окажутся строевые сотрудники и послѣдней категорнн?

Со всѣхъ сторонъ слышно, что комплектованнн воспитательскаго персонала становится для корпусовъ годъ отъ году затруднительнѣе и число кандидатовъ падаетъ до комически ничтожной цифры;

можно быть увѣреннымъ, что новая реформа, еще больше увеличитъ затрудненія.

Неблагопріятное отраженіе разсмотрѣнныхъ причинъ на успѣхъ учебно-воспитательной дѣятельности кадетскихъ корпусовъ дополняется вліяніемъ и другихъ менѣе важныхъ условій, къ которымъ мы отнесемъ трудность пополненія учебнаго персонала въ провинціальныхъ корпусахъ, отсутствіе въ нѣкоторыхъ старыхъ корпусахъ достаточныхъ заразныхъ отдѣленій въ лазаретахъ, сборныхъ и гимнастическихъ залъ и отвратительный составъ прислуги въ кадетскихъ помѣщеніяхъ.

Карьера преподавателя средне-учебнаго заведенія, вообще, не настолько заманчива, чтобы привлекать большой контингентъ молодыхъ людей, пріобрѣтающихъ высшее образованіе, и потому пополнять убыль въ составѣ преподавателей вовсе не легкая задача для заведеній, не находящихся въ столицахъ. Повышенныя въ недавнее время выгоды учебной службы въ корпусахъ вѣроятно въ будущемъ окажутъ нѣкоторое вліяніе, но пока оно еще не замѣчается. Помощь, которую въ этомъ дѣлѣ должна оказать корпусамъ дѣятельность учительскихъ курсовъ, учрежденныхъ при педагогическомъ музеѣ, пока имѣетъ микроскопическую величину и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ провинціальныхъ корпусовъ ею еще не пользовались. Въ виду этого, расширеніе дѣятельности преподавательскихъ курсовъ вполнѣ назрѣвшая мѣра.

Подобнымъ же образомъ давно настала пора устроить во всѣхъ корпусныхъ лазаретахъ отдѣленія для заразныхъ больныхъ и палаты для изоляціи кадетъ, соприкасавшихся съ больными инфекціонными болѣзнями и подлежащихъ наблюденію. Отсутствіе этихъ помѣщеній сильно тормозитъ борьбу съ эпидеміями, нарушающими правильное теченіе учебнаго курса.

Отсутствіе въ старыхъ корпусахъ обширныхъ сборныхъ залъ и особыхъ гимнастическихъ помѣщеній много мѣшаетъ успѣшному ходу строевыхъ и физическихъ занятій въ ненастную пору и зимой. Особенно тягостенъ недочетъ въ просторныхъ и хорошо провѣтриваемыхъ гимнастическихъ комнатахъ; дѣло доходитъ до такой крайности, что въ старшей ротѣ гимнастическіе снаряды иногда ютятся въ умывальныхъ помѣщеніяхъ, а прыганье черезъ кобылу происходитъ въ спальняхъ, между рядами кроватей; тутъ же идетъ зачастую и обученіе ружейнымъ приемамъ; пыль поднимается невообразимая и, вообще, создается картина нищенской обстановки такой важной статьи, какъ физическое воспитаніе будущихъ офицеровъ.

Сказаннымъ нами до сихъ поръ мы ограничимся для оцѣнки условій и обстановки корпуснаго ученя и воспитанія. Трудно педагогамъ выполнять съ желательнымъ успѣхомъ свой почетный, но тяжелый трудъ; тяжело и кадетамъ добиваться хорошихъ плодовъ своей учебно-воспитательной работы; тѣмъ не менѣе и тѣ и другіе честно трудятся и достигаютъ такихъ результатовъ, что многія русскія среднія школы съ завистью поглядываютъ на нихъ. Честь и слава за это кадетскимъ корпусамъ!

Чѣмъ же объяснить, что недоступный для силъ средняго ученика учебный курсъ и нескладно поставленное корпусное воспитаніе, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, даютъ замѣтные плоды? По нашему убѣжденію, этому имѣются двѣ причины; одна составляетъ заслугу корпусныхъ педагоговъ, другую же надо искать въ натурѣ души русскихъ юношей. Многіе преподаватели и воспитатели кадетъ обладаютъ прекраснымъ даромъ зажигать въ юныхъ головахъ и сердцахъ своихъ питомцевъ такіе яркіе свѣтильники, что и туманы школьныхъ невзгодъ не гасятъ ихъ. Эти даровитые люди умѣло лавируютъ въ противорѣчіяхъ уставныхъ требованій и наличныхъ средствъ своихъ воспитанниковъ, а молодежь гибко слѣдуетъ за ними по пятамъ и изъ сутолочнаго учебнаго труда выноситъ плоды, за которые хранить сердечную признательность воспитавшей ее школѣ и незабываемымъ во всю жизнь истиннымъ педагогамъ. Здѣсь сказывается непоколебимый законъ, что «главный факторъ въ образованіи юношества заключается въ живомъ участіи учителя къ дѣлу и ученику; оно пробуждаетъ живыя силы въ душѣ юноши».

Другая причина, говоримъ мы, лежитъ въ особенностяхъ духовной природы русскаго юношества. Русскій человѣкъ—добродушный юмористъ, питающій себя упованіями на грядущее благополучіе. Въ тяжелой обстановкѣ скопляющихся вокругъ него невзгодъ онъ подтруниваетъ и надъ своимъ положеніемъ, и надъ тѣснящими его обстоятельствами, и надъ самимъ собою, завиваетъ, какъ говорится, горе веревочкой; въ этомъ его своеобразное мужество и неуязвимость, быть можетъ, равноцѣнная расчетливости иноземныхъ натуръ. «Авось», «не бойсь» и «ничего»—это три устоя, на которыхъ, какъ мѣръ на трехъ китахъ, покоятся свѣжесть силъ и увядающія надежды. Кить «авось» даетъ отвагу для борьбы со свирѣпыми драконами въ жизни, отвага эта замѣняетъ тщательный расчетъ силъ и средствъ, необходимыхъ для борьбы. На днѣ души и шевелится гдѣ-то, подсказываемое полубодрствующимъ разсудкомъ,

сомнѣніе въ достаточности одной отваги, но второй кить велить— «Не бойсь!» и укрѣпляетъ безпечную рѣшимость. И, если даже со скорбью приходится увидѣть, что «держался авоська за небоську, да оба въ яму и упали», и тогда еще въ большинствѣ случаевъ не меркнетъ въ юномъ сердцѣ вѣра въ грядущее благополучіе; третій устоя россійскихъ упованій воскрешаетъ поверженную, казалось, бодрость своимъ цѣлительнымъ «ничего». Въ этомъ словечкѣ, въ самомъ дѣлѣ, иной разъ оказывается возбуждатель новыхъ порывовъ къ сопротивленію, новыхъ попытокъ добровольныхъ напряженій. Недаромъ еще Бисмаркъ, прислушивавшійся къ этому слову, недоумѣвалъ, какимъ признать его—наивнымъ или грознымъ. Пожалуй, въ немъ скрыты оба эти признака, и потому совсѣмъ пригнуть къ землѣ людей, приверженныхъ къ такимъ словамъ, трудное дѣло: ихъ легче уничтожить, чѣмъ побѣдить.

Н. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

